

Сергей
Носов

**ФИРС
ФОРТИНБРАС**

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

Сергей Анатольевич Носов

Фирс Фортинбрас

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69273310

Фирс Фортинбрас: роман / Сергей Носов: Издательство К. Тублина;

Санкт-Петербург; 2023

ISBN 978-5-8370-0939-6

Аннотация

Трудно подобрать в мировой литературе более непохожих героев, чем ветхий слуга Фирс из «Вишнёвого сада» и молодой Фортинбрас, сверхуспешный норвежский принц из «Гамлета». В новом романе Сергея Носова, лауреата премии «Национальный бестселлер», оба имени относятся к одному лицу. Недаром автор – король абсурда. Вряд ли эта книга обманет ожидания знатоков и ценителей творчества писателя: это всё тот же неподражаемый Носов, умеющий удивлять.

Содержание

1	5
2	19
3	34
4	37
5	50
6	58
7	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Сергей Носов Фирс Фортинбрас

© Сергей Носов, 2023

© ООО «Издательство К. Тублина», 2023

© Александр Веселов, обложка, 2023

www.limbuspress.ru

Упоминание в тексте некоторых героев Шекспира, Чехова и Ионеско – единственное, что свидетельствует об объективности этого повествования. Остальные персонажи (равно события) изобретены воображением автора. Любые совпадения случайны.

1

...Последний раз я играл на сцене в спектакле Клары Келлер – в «Стульях», по Ионеско. Клара мне не доверила главную роль, но грех жаловаться, моя роль была исключительно выразительной. Ничего более выразительного у меня никогда не было. Я играл глухонемого оратора, который появляется в самом конце спектакля, с тем чтобы произнести речь, и не может выдать из себя ни одного слова. Я мычал, тарасил глаза, отчаянно жестикулировал, выражал всем существом метафизический ужас перед своей немотой и глупостью публики, не способной понять моего мычания. Им было смешно. Не уверен, что смешно должно было быть – настолько. Вероятно, я переусердствовал по части клоунады. После восьмиминутного выступления я был выжат, как лайм для коктейля. Как лимон. Я хотел сказать: как лимон. «Как лайм для коктейля...» В общем, был как лимон. Был как губка. Как тряпка.

Мы сыграли «Стулья» несколько раз, даже отметились на закрытом фестивале в Обнинске, где нам вручили статуэтку с изображением «мирного атома».

В ноябре с отъездом Клары Марковны спектакль распался. Больше не было у меня ролей, если не считать Деда Мороза на детской ёлке. Уже несколько лет длился массовый исход «из профессии». Дипломированные актёры шли, как им

думалось, в бизнес, в бебиситтеры, в шофера – особенно молодые. Миша Мужикян уехал в Смоленскую область строить часовни; Лисюк ушла в монастырь. Многие укатили за границу, очень многие. Вот и Кларочка Келлер, отчебучившая постановку «Стульев», пребывает в Испании. Некоторые и вовсе исчезли, как тогда ни за что ни про что пропадали без вести люди. Был и нет человека. Ну и смертность опять же. Кто спился, кто сел на иглу, кому съездили по виску арматурой... Посмотреть на афиши, театр переживал расцвет. Может, так и было отчасти. Грандиозные проекты находили себе финансистов. Финансисты находили проекты. Лично мне ничего не светило, как и многим другим, склонным... к чему?.. А не важно. Ни к чему не склонным. Случайным заработком перебиваясь, я готов был считать себя тоже «ушедшим», просто примыкал к движению запоздало...

Но как в том анекдоте («а как быть с убеждениями?») – как быть с мастерством?..

Тем более что март наступал, грозя весенним обострением...

Позвонил Кирилл, не слышал которого больше года:

– Кит, ты живой?.. Ты в форме?.. Слушай, тут вот что, тут такое дело, хочешь сняться в сериале?..

Неплохой вопрос. Вернее, три неплохих вопроса. Пока я соображал, с какого начать отвечать, он приступил к изложению сути:

– Сериал! Меня просили порекомендовать актёра на роль,

я тебя предложил, роль не самая главная, хорошо, что дома застал, ну заработаешь денежку, я всю тут снимаюсь...

Явно звонил из помещения, не с улицы; голос его, подчеркнута энергичный, захлёбывался в гуле других голосов, мне даже показалось в первый момент, что это актёрская имитация фона, когда, как иногда практикуют на сцене, каждый вслух произносит домашний адрес или «говори, да не заговаривайся», а публике слышится неразборчивый шум.

Я спросил, как сериал называется. Мне безразлично было, как называется, но надо было что-нибудь спросить. Я бы согласился в любом случае, на любых условиях. Денег не было. Сериалы тогда в России практически не снимались, актёры вроде меня были совсем не востребованы. Привередничать у меня и мысли не было. Ясно дело: подарок судьбы, если не розыгрыш.

– Название засекречено, не телефонный разговор, Кит. Зачем тебе лишнее знать?! Я продюсера даю...

Зазвучал почтенных лет человека бархатный голос:

– Никитушка, меня Роман Буткевич зовут, очень мы вас, понимаете ли, снять хотим. Проект у нас потрясающий, высокохудожественный. Имя ваше на всю страну прозвучит. Деньги сразу плачу, в день съёмок.

Я был польщён. Он знал меня. Знал и ценил. Как актёра.

Он меня знал, а я его нет. Нет: я не знал его, а он меня знал – вот главное что.

Спросил, стараясь не выдать нетерпение голосом:

– Без проб?

– Без чего? – не расслышал продюсер. Но, надо думать, сам догадался: – Никаких проб! Мы не пробуем. Приступайте, и дело с концом.

– Я согласен. Когда начинаем? – спросил я по-деловому.

– Уже всё начато, Никита. Начато и продолжается. Мы снимаем на квартире Хунглингера. Берите такси и быстро к нам. – Он назвал улицу, дом и номер квартиры неведомого мне Хунглингера. – За такси я плачу.

Ничего себе, подумал я, прямо сейчас!

– А что за роль?

– Роль?.. Очень хорошая роль, хорошая роль. Вы когда приедете?

– Ну, я не знаю, так всё внезапно... мне надо шею помыть, причесаться, ботинки почистить...

Понял ли он, что шучу? Я не уверен.

– Здесь помоете! Здесь ванна, шампунь! На вас одежда какая?

– А какую надо?

– Сейчас автора спрошу, не вешайте трубку...

Он ушёл куда-то, никого долго не было в трубке, минуты три-четыре. Я ждал с нетерпением. «Автор» – странное слово. Или – ослышался? Он «автор» сказал? Странно, что пошёл «автора» спрашивать, а не художника, не костюмера. Есть ли у них костюмер? И кстати, есть ли костюмы? Что же это за сериал, если нету костюмов? Порнографический, что

ли?

Наконец раздался женский голос, хрипловатый:

– Здравствуйте, Никита, я Марьяна, я на вас эпизод пишу.

– Очень приятно, – ответил я.

– Я вас слушаю, – сказала Марьяна.

– Это я вас слушаю, – сказал я.

Марьяна пропала. Я подождал немного и услышал голос Кирилла:

– Тут сумасшедший дом. Я продюсера даю.

– Никитушка, – вновь услышал я голос Буткевича, – ну так мы вас ждём, выезжайте. Вы когда приедете?

Ехать необходимости не было, от меня пешим ходом двадцать минут. Я сказал:

– Через полчаса. Устроит?

– Отлично! Ждём!

– А с одеждой что?

– А что с одеждой?

– Вы спрашивали, во что я одет.

– Ну, вы что-нибудь наденьте подемократичнее. Ну, джинсы какие-нибудь, ну сами подумайте... Только в шортах не надо...

Через пять минут я уже спускался по лестнице. Когда вышел на улицу, дал команду себе: не торопись! Шаг замедлил, не надо спешить. На меня эпизод... вот пока я иду, так она там и пишет?.. прямо сейчас?.. Хорошо, ладно, пусть... Я давно не играл. Чтобы в форму себя возвратить, повторял в

плане тренинга жизнеславное, образцовое – монолог о том, что гордо звучит оно, че-ло-век (с этим номером я поступал в театральный...).

Когда можешь много по памяти, в мозгу само образуется – особенно во время ходьбы: идёшь, и думать не надо. Что-то меня, наверное, отвлекло, я и не заметил, как очнулся во мне глухонемой оратор – активировалась последняя, хотя и давняя роль: я мысленно замычал.

Дверь в квартиру была открыта. Да уж, квартирка Хунглингера ещё та была, просторная, на потолке лепнина, в прихожей люстра в стиле модерн. Двери парные, высокие – настежь распахнуты в комнаты. Из комнаты справа теплом веет, так там воздух нагрет софитами, – когда я приблизился к дверному проёму, их как раз выключали; вероятно, только что закончили снимать эпизод. Сказать, что толпа здесь была, было бы чересчур сильно; народ присутствовал. Каждый занят был чем-нибудь; я застал, несомненно, активности всплеск – минуту назад здесь ещё все, кроме актёров, таились, блюдя тишину. Актёров я сразу узнал. За старинным дубовым столом грузно сидел Мих Тих, как мы студентами называли достопочтенного Михаила Тихоновича, нашу живую городскую достопримечательность, – представитель старой актёрской школы вытирал платком лоб с видом серьёзного человека, решившегося на самоиронию. Магде Заломовой, одетой почему-то в лыжный костюм, очевидно, полагалось играть жену хозяина дома; сейчас она что-то весело го-

ворила Кириллу, наверняка «сыну» (здесь я немного ошибся – Кирилл был институтским товарищем «дочки»). По фигурному паркету повезли со скрипом софит-светильник.

Меня увидел Кирилл.

– Роман Михайлович! – показал ему рукой на меня.

Крепко сбитый мужчина в годах, седовласый, с пролысиной, вынырнул из-за двери. Протянул руку мне:

– Никитушка, вот вы какой, я вас не таким представлял...

Он меня представлял! А я-то думал, он с моими работами знаком, видел меня в игре. Меня вслепую пригласили, по Кирилловой рекомендации. Просто не дозвонились ни до кого, а я подвернулся. Может быть, потому что жил близко.

Ну и хрен с вами. Должно ли меня это заботить?

– Гениально сцену отсняли, – поделился радостью Буткевич. – Осталось только с тобой, и больше не будем сегодня.

Выходили в прихожую.

– Юра – режиссёр, Константин – оператор, Вика, Слава, – знакомил Роман Михайлович, – Татьяна Матвеевна – гримёр, сейчас она тебя быстро оформит, извини, я актёров отпущу...

Он отправился назад в комнату, обернулся:

– На кухне бутерброды, чай, кофе, пойдёшь подкрепиться.

Я успел заметить два конверта в его руке, один – Мих Тиху протягивал, другой – Магде.

Из комнаты в комнату переносили красного дерева этажерку, я посторонился; Юра-режиссёр сделал шаг ко мне:

читал ли я сценарий?

– Я даже не знаю, о чём кино.

– В целом о жизни, – сказал режиссёр. – Мы начали недавно. Третью серию завершаем. На ходу корректируем. Ещё два часа назад вас в зародыше не наблюдалось.

– В зародыше не наблюдалось? Меня?

– Я хотел сказать, мы вас придумали только что, час назад где-то... И то в общих чертах. – Он отдёрнул портьеру в комнату слева: – Наш автор.

«Авторесса», – подумал я.

Похоже, её тут все автором называют.

Автор Марьяна, молодая, уж точно моложе меня, сидела в комнате за портьерой, маленькая как мышка, в кресле с ногами, перед ней на столе был дисплей.

– Марьяна, твой персонаж, – тоном заботливой бабушки произнёс режиссёр, словно принёс тарелку черешни внучке, пишущей сочинение.

Марьяна кивнула, дав понять, что услышала, но обратить лицо в нашу сторону не сочла нужным.

– Получается?

– Принтер не работает, – хрипло произнесла Марьяна.

– Роман! – закричал Юра. – Принтер не работает! А всё готово уже!

– Почему принтер не работает? – Продюсер Роман появился в прихожей. – Что за бардак? Лёша! Где Лёша?

Лёша (стало быть, он) – недрогнувшим голосом:

– Чё, принтер-то? Он не наш, принтер-то. Он не обязан работать.

– Как не обязан? Твоя работа, чтобы всё здесь работало!

Оказалось, что в картридже нет чернил. Компьютер принадлежал хозяину дома. Хозяина дома дома не было. Я спросил: «“Пентиум”? Сто мегагерц?» – «Сто тридцать три», – сказал мне режиссёр Юра. В то время мы все начинали бредить компьютерами. Я сам мечтал о таком. О «Пентиуме». У меня вообще компьютера не было.

Роман распорядился: пусть Лёша, гримёр Татьяна Матвеевна и девочка Оля (помреж?) возьмут по листу бумаги и перепишут красивым почерком текст Марьяны прямо с экрана. Никто и не думал роптать. Автор Марьяна, уступив место за столом, отошла к окну и с ногами забралась на широкий подоконник, там и курила, глядя во двор. А те переписывали.

Я вышел из комнаты. Вообще-то мне внимание безразлично, есть оно или нет, но, когда не обращают, я вижу, что не обращают, только и всего; ну такая профессия у нас, быть в центре внимания, ничего не попишешь, и не важно, что я едва не ушёл из неё. (Из профессии – если вдруг не понятно.)

Техническая пауза затянулась. Я угощался бутербродами на кухне. Настя Бережкова рассказывала мне о своих бракоразводных делах. Каждый раз, отправив печенину в рот, она стряхивала крошки с пальцев, делая ими так, словно намекала на деньги. Не ожидал её встретить здесь. Встретив, изрёк: «Лучшие люди» (входя). И она меня, когда я вошёл на

кухню, приветствовала чем-то подобным.

Теперь Настя – подруга Кирилла.

– А я кто?

– Скоро узнаем.

Принесли переписанное. Нам с Настей дали по экземпляру, третий получил режиссёр Юра.

Роман, уже прочитавший текст с экрана, расточался теперь в комплиментах таланту автора:

– Какой диалог! Какая естественность! Как в жизни! Блеск! Марьяна, иди сюда, автор ты наш несравненный!.. Где ты прячешься?

Нехотя Марьяна вошла, села на табуретку возле раковины. Лицо сомнамбулы. Несколько веснушек на носу. Ноль эмоций.

– Наше сокровище. Наш вундеркинд. (Это мне говорится.)

– Роман, я просила вас не называть меня вундеркиндом.

– Прости, забылся. С высоты своего возраста – исключительно с высоты... Всё, всё, больше не буду. Напишешь четвёртую к понедельнику?

– Если не сдохну, – ответила Марьяна.

Я читал. Действительно было «как в жизни»: некто Никита (это я) звонил в дверь, потом недолго разговаривал с Настей, мрачно шутил на тему «не ждали», каламбурил и, войдя в прихожую, сообщал, что обувь снимать не будет.

– У нас принцип, – сказал продюсер. – Все персонажи с

именами актёров. Чтоб не запутаться.

Я не возражал, я спросил, кого мне играть.

– Играйте себя, – сказал режиссёр. – С учётом, что это конец серии. Представьте, что вы пришли смотреть квартиру. Не исключено, вы аферист.

– Не исключено? Так я аферист или нет?

– В следующей серии выяснится. Автор напишет к понедельнику.

Я понял: автор Марьяна сама не знала, кто я и зачем я пришёл. Похоже, никто не знал. Удивительно, но сейчас это никого, кроме меня, не интересовало – зачем я пришёл. Ни продюсера, ни режиссёра, ни даже Настю, которой предстояло, между прочим, дверь мне открыть и произнести многообещающее: «Вы из Анапы?»

– Допустим, к понедельнику автор напишет, но мне надо сейчас знать, аферист я или не аферист. Кого мне играть?

– Я же сказал, себя играйте.

– Так ведь я не аферист, если речь обо мне...

– Какой зануда, однако! – воскликнул продюсер.

– Это конец серии, должна быть нотка тревожная, – сказал режиссёр.

– А может, так: я – Фортинбрас?

Меня не поняли.

– Играйте афериста, – сказал продюсер.

– Инфернального афериста, – уточнил режиссёр и сделал рукой таинственный пасс.

Продюсер Буткевич объяснял мне, как маленькому:

– Ваш главный выход – в четвёртой серии. Там что-нибудь и случится, связанное с вами. А пока вы только пришли. Пришли и пришли. Конец серии.

Нет, мне не хватало определённости. Я бы предпочёл, чтобы объяснила мне автор.

– Может, вы намекаете в самых общих чертах, что может случиться, связанное со мной, в четвёртой серии...

Автор Марьяна мне не ответила. Ответил Буткевич. Он сказал:

– Вы умрёте. И это главное.

– Так скоро? – Я был разочарован.

– Умрёте, в этой же квартире. В четвёртой серии. Не печальтесь, эта история не про вас. Так что не важно по большому счёту, аферист вы или не аферист.

Что-то было обидное в его словах. Чувствовал себя лохом. Даже не заикнулся о зарплате – меня поманили, а я и прирмчался, как мальчик.

– А зачем?

И тут вмешалась Марьяна:

– Глупый вставной номер. Мне это не нравится, Роман. Очень не нравится. Мы же договаривались, я должна расписаться, чтобы всё само собой покатилося, умирать начнут с пятой серии. С пятой!

– Феликс хочет с четвёртой, – тихо ответил продюсер.

– Он обещал не вмешиваться до пятой!

– Он и не вмешивается, он просто хочет, чтобы первая смерть была в четвёртой. Не важно чья.

– Раньше он не говорил про четвёртую... Он говорил о пятой! Убедите его, чтобы первая смерть в пятой была.

– Марьяна, зачем же мы тогда сегодня его пригласили? – спросил режиссёр («его» – это, значит, меня: зачем меня пригласили?). – Надо было его в четвёртую пригласить... В пятой бы и угробили.

– Я никого не приглашала, это всё Роман придумал.

– Вот так: чуть что, сразу Роман, – произнёс Роман Михайлович неправдоподобно обидчивым тоном; он опустил на корточки перед Марьяной. – Мы тебя ценим и любим, а ты не знаю что говоришь, – смотрел ей в глаза снизу вверх. – В чём проблема? Нет никакой проблемы!.. Ты же написала уже, как он появляется... Теперь отдохнёшь и напишешь, как он... ну... бух на ковёр... Мы так не умеем, как ты, а у тебя гениально получится!.. Марьяночка, правда?

Он взял её руку и по-театральному поцеловал.

Автор Марьяна не шевельнулась.

– Хочешь, Юра на колени встанет?

– Нет, Рома, подожди, – Юра сказал, – давай побережём мои колени для более критической ситуации.

Замолчали. На лице Марьяны – ни тени улыбки. Стоп-кадр. Я взглянул на Настю: что это значит? Настя отрешённо глядела на сахарницу. Может, это у них было и в порядке вещей, но мне стало неловко; так или иначе разговор касал-

ся меня. Слышно было, как устанавливают софиты на лестничной площадке. Я спросил:

– Меня убьют?

– Инфаркт миокарда... – небрежно произнёс продюсер.

Он царапнул меня холодным взглядом и пробормотал в сторону:

– Вследствие спазма артерии. На фоне стенокардии.

Пришёл оператор, сказал, что пора. Все поднялись, кроме Марьяны, автора. Она одна осталась на кухне.

Ничего, ничего. Я сыграл им «инфернального афериста» – без роду без племени – неизвестно кого, неизвестно откуда. Нотка, думаю, получилась даже очень тревожной. Настя изобразила лёгкий испуг.

Только выключили камеру, Буткевич отвёл меня в сторону. Достал из бумажника пятьдесят долларов (без конверта); я взял. По тем временам это был приличный гонорар – для нашего города (и для нашей профессии). Я, конечно, предполагал возможность пятидесяти, но должен сознаться, реально рассчитывал на меньшее. Я и двадцатке был бы рад. Роман Михайлович посмотрел на меня пристально, сказал: «Вы нам понравились, не обессудьте», – и достал ещё пятьдесят – из кармана брюк.

2

Из актёров мы с Бережковой последними покидали квартиру Хунглингера. Роман ещё там что-то обсуждал с оператором и режиссёром, и кто-то оставался убирать на кухне, а мы с Настей уже спустились по лестнице, когда внизу нас догнали на лифте два Саши, художник и звукорежиссёр. Вышли на улицу вчетвером.

Расходиться не торопились.

Саша-звукорежиссёр угостил сигаретой.

Минута выбора. По домам – или как?

За знакомство? За встречу? За успех безнадёжного дела?

– Должна тебе заметить, выглядишь ты недурно.

– Мерси. Как раз тебе комплимент хотел сделать.

– Хотел – значит не сделал.

– Ну почему же. Цветёшь!

– Конечно, цвету. Развод – второе рождение.

– И второе дыхание, – вмешался художник Саша.

– А вы не подслушивайте.

– Ну так что? Идем в «Пики»? Это туда, – показал мне

Саша-звукорежиссёр. – Наши там уже.

Дело хорошее, но:

– Мне надо денежку поменять.

– И мне, – сказала Настя. – Обменник за углом.

Вот и славно. Пошли.

Нет, это она сказала:

– Пошли.

Похоже, я не торопился домой.

Но ей действительно шла короткая стрижка с косой чёлкой. Я знал её только с длинными волосами. Роскошные волосы были. Почему-то вспомнилось, как попадали мне в рот, когда мы вдвоём засыпали на левом боку. С этой новой причёской было что-то мне в ней незнакомое совершенно.

– Честно сказать, я думала, ты действительно Фортинбраса изобразишь. Ведь хотел.

Смотри-ка, помнит, что я говорил о Фортинбрасе. Это моя химера, моя мечта, мой фантом – Фортинбрас. Не Гамлет какой-нибудь. Фортинбрас.

– Ну нет, Фотринбрас не такой. Фортинбрас не аферист. И ни один inferнальный аферист недотягивает до Фортинбраса. (Я мог бы сказать «до реального Фортинбраса»...)

Лучше не начинать. О Фортинбрасе долго могу.

Но Настя меня уже представила Фортинбрасом.

– Конец серии. Выход Фортинбраса, – воображала она. – Итог. Черта. Самое то. Хотя да, рано. Тебя надо в конце всего сериала выпустить. Груда трупов – и ты, Фортинбрас.

– А получается, что Полоний.

– Почему Полоний?

– Потому что первого хлопнут. Как Полония – первого.

– Отец Гамлета был первым.

– Еще Йорика вспомни. Полоний – первый.

– Ладно, тогда я Офелия. Предчувствую, что на очереди.

– Ты же вроде из главных?

– Все смертны.

– Вот скажи мне, зачем в каждой серии убивать?

Она не знала зачем. Она сказала:

– Концепция.

За разговорами о героях Шекспира подходили к обмену – издалека было видно: закрыт, но рядом с крыльцом ошивается хмырь в невзрачном плаще.

Настя дала мне свои пятьдесят баксов, я присовокупил их к заработанной мной сотенке и направился к тому, он даже не смотрел в нашу сторону.

Тоже ведь спектакль. По неписаному закону (сценарию) будем придерживаться порядка действий. Я подойду и поинтересуюсь курсом, он назовёт; я скажу, что у меня сто пятьдесят, но не буду показывать; он достанет из кармана внушительную пачку российских банкнот и на моих глазах отчитает поболее полмиллиона, прибавит мелкие и даст мне – теперь пересчитаю я; уберу, достану в трёх купюрах наш гонорар, он проверит на ощупь подлинность, уберёт; обмен состоится. Отклонение от сценария чревато осложнениями. Меня кинули на сто долларов, когда я однажды вопреки обычаю дал, как последний лох, зелёную купюру вот такому же хмырю, прежде чем он собрался отсчитать мне в рублёвом эквиваленте. Развели меня так ловко, что я сам даже засомневался, а были ли у меня вообще деньги. С тех пор я стал

наблюдательнее – меня занимало спокойствие этих ребят: не оглядываются, не стреляют опасливо взглядом. Сейчас, когда он медленно отсчитывал жёлтые купюры с фасадом Большого театра (всего-то семь – по сто тысяч каждая), я смотрел не на его пальцы, но на лицо – выражение индифферентности, отвечающее процедуре, восхищало меня; здесь было чему поучиться.

– В театре нам не платят, – сказала Настя, принимая от меня свою долю. – Наш директор исчез со всем, что было.

– Да, я слышал эту историю.

– Буткевич – палочка-выручалочка наша, подарок небес.

– Тебе сколько за день съёмки? Пятьдесят?

– Побольше.

– Просто ты мне пятьдесят дала.

– Половину.

Это меня успокоило. Если бы он мне, как мне подумалось, вдвое больше, чем ей, заплатил, – я бы не знал, что и подумывать тогда. А так – ничего. В порядке вещей.

– Ты уверена, что мы в эти «Буби» хотим?

– В «Пики». Нет, не уверена. Есть предложения?

– Ну к нам ты вряд ли захочешь.

– К вам? Её Рита зовут?

– Рина.

– Сознайся, ты ведь пошутил.

– Рина. Правда Рина.

– Я о другом. Не прикидывайся.

А! Вот о чём. Это я только в шутку мог допустить, что она захочет познакомиться с Риной.

А я что сказал? Я и сказал, что она вряд ли захочет.

– Но и ты. Ты ко мне вряд ли захочешь. Далековато, – сказала.

Ага, далековато. Нельзя в одну реку войти дважды – это её давнее, по сути, последнее, с тех пор мы с ней и не виделись.

– Мама жива?

– Нет. В декабре ещё. Ты не знал?

– Не знал. Сочувствую.

– Да ни хрена ты не сочувствуешь, Кит! Какое сочувствие? Ты же помнишь её. Мы об этом сто раз с тобой говорили. Какое сочувствие?.. Ладно, хорошо, в «Пики» идём.

Ну идём. Идём и молчим. И что я сказал не так? Я бы тоже мог сказать про сочувствие. Вообще-то ей раньше я всегда отвечал. И конечно, я помню мамы её состояние. Но мы теперь шли молча. Что раньше, то раньше. Раньше мы слово за слово – и уже ссора. На ровном месте практически. Без предпосылок. Не пара, а двойной генератор самовозбуждения. А итог был каждый раз один. В декорациях сексодрома. Яростная разрядка, беспощадная к соседям.

Что, Кит, заскучал по такому?

Оба Саши, художник и звукорежиссёр, далеко не ушли. Оба остановились перед уличным продавцом кухонных инструментов, явно кустарного производства. На складном столике были разложены корнеплоды, в одной руке прода-

вещ держал картофелину, в другой – так называемый овощной нож для праздничного оформления стола, что-то среднее между спицей и штопором, – он демонстрировал публике, как эта штука работает: высверливал корнеплодную спиральку, будто бы предназначенную для жарки в растительном масле. При этом продавец не закрывал рта, произносил заученный рекламный текст, величая свой нехитрый товар «незабываемым подарком хозяйке». Кроме двух Саш, любознательная старушка и сильно датый субъект составляли публику продавца-демонстратора.

– Берите на все, – сказала Настя обоим Сашам, когда мы к ним подошли сзади.

– Хорошо работает, – обернулся художник Саша, – так бы и смотрел.

– Ладно, насмотрелись, идём, – сдался Саша-звукорежиссёр.

Мы вместе тронулись в «Пики», причём звукорежиссёр Саша на прощание пожелал продавцу «неизменного успеха» и сказал, как знакомому, «увидимся». Тут выяснилось, что он и в самом деле купил эту бессмысленную спицу-штопор. Зачем? А затем, что взял он себе за правило покупать в конце съёмочного дня такую вот металлохреновину, и хорошо, что дешёвка, это он себе приметку придумал – если не купит сегодня с полученных денег, завтра сериал прекратится, конец лафе. Как бы персональная жертва во имя общего блага.

– Лучше бы нищим пожертвовал, – Настя сказала.

– А вот когда накоплю штук двести, тогда и нищим раздам.

– Ой, не поймут. Заколют на месте теми же спицами.

– Далеко вперёд глядит, – художник Саша сказал. – Двести съёмочных дней! Ну оптимист!

Я другую представил картину. Этот Саша-звукорежиссёр, состарившийся уже, за таким же складным столиком распродаёт бесчисленные спицы-штопоры благодарным зрителям долгоиграющего сериала, не уступающего по длине мексиканской мыльной опере, которой нас так долго баловало родное телевидение. Впрочем, я не смотрел.

Мы вошли в «Пики».

Место это супердемократичное. Гремела «Бони М.», но и неровный шум здешних голосов был громок – народ пытался пересилить музыку. Сигаретный дым стоял, как пар в парилке. Пили тут и пиво, и водку, и водку с пивом. Мих Тих и ещё трое вроде бы «наших» (их, кажется, видел у Хунглингера) занимали столик за вешалкой, а мы пошли к единственному свободному, у окна.

Долгие технические мельтешения вроде замены шаткого стула или хождений к барной стойке – ради выбора чего-то взять и выбора сколько – при всей их рутинности имели важный практический результат: перед Настей оказался высокий стакан с каким-то коктейлем, а перед нами – гранёные стопки и «Распутин», славный тем, что умел подмигивать с этикетки. Саша-художник взял на себя обязанность разли-

вать «Распутина». Вообще-то 0,7, да еще с перспективой. А я передумать почти что замыслил. Распутину подмигнул, он вряд ли заметил. Чокнулись, Саши опрокинули дуэтом, я прополовинил, та ещё водка, – на меня посмотрели, как на отщепенца, но наш случайный порядок не поэтому обнаружил неустойчивость, логика общения её предопределяла.

Саши о чём-то своём спорили горячо. Может быть, у них слух лучше, чем у нас с Настей, – сдвигать стулья друг к другу им было незачем, ну а нас эта громкая музыка буквально сблизила по лучам угла, то бишь по сторонам стола, – просто на самый угол.

А тут ещё подкрался Мих Тих – сильно уже подшофе. Радость переполняла его. Он обнял нас сзади за плечи, меня и Настю, и стал восторженно говорить, как нас любит и как это здорово, что мы все в одном проекте. Кажется, так – насколько это можно было разобрать сквозь музыку. Когда он вернулся к своим, Настя сказала, но что, я не расслышал. А потом повторила громче: он думает, что мы ещё вместе.

Мне тоже так показалось: он помнил нас, когда мы были вместе ещё.

Я спросил глазами: как ей коктейль? Ответила глазами: попробуй. И подвинула мне. Да. Нормально. Коктейль. Соломка, побывавшая в наших губах, притянула на значение символа, только чего?

Спросил: алаверды? В смысле водку – из моей стопки. Ну, юмор такой. Хотя почему юмор? Взяла, поднесла к губам с

серьёзным видом – это даже глотком не назвать, отведала, демонстративно поморщилась: пей сам. Взыскательный дегустатор.

Я спросил, помнит ли она, как мы пили на брудершафт. Но она не расслышала – сильно гремело. Повернулась ухом ко мне, словно хотела похвастаться серёжкой. Маленькая такая изумрудинка посреди мочки. Я приблизился к уху, но повторять не стал, а потрогал серёжку губами.

Гвоздик-серёжка. Серьга-гвоздик. И с той стороны языком.

Бывший муж подарил?

А вот все ли он знал её уха тайны?

Отпустил. Откинулся на спинку стула. Она выпрямила спину и стрельнула глазами на Саш, занятых своим разговором, но тут же, словно пожалев об этом взгляде, криво – адресно – мне – усмехнулась, наморщив лоб.

«Что-то мне здесь не нравится». – «И мне тоже». Она: «Есть предложения?» Уже сегодня я слышал этот вопрос – сам её спросил: «Приглашаешь?» – «Да ты и мёртвого уговоришь».

Ха-ха, я ведь не уговаривал. Но правда: отметить встречу – это святое. Только нехудо бы мне позвонить.

Она спросила, есть ли у меня жетон. Тогда звонки по городу перевели на жетоны, при любой инфляции они оставались просто жетонами. Будка телефона-автомата стояла перед входом в «Пики».

У меня жетон был. Но я ещё не придумал, что сказать в телефонную трубку. Поэтому, встав из-за стола, я решил сначала зайти в туалет. Вход туда отгораживался тонкой стеной, со стороны зала украшенной изображением чёрных сердец – масть «пики». С той стороны к этой перегородке прикреплены две раковины с зеркалами. Стояла деваха, ждала. Я её не рассматривал, понял, что ждёт, и тоже стал, как бы заняв очередь.

Она действительно ждала, но не то, что я думал.

– Молодой человек, хотите минет?

Я – неподдельно:

– Прямо здесь?

Она показала пальцем на одну из дверей туалета и, сочтя мой вопрос за выражение согласия, нежно промурлыкала: «Десять баксов всего, и максимум удовольствия».

Из всех форм любви не признаю только продажную, сказал мой знакомый однажды, и я с ним согласен (судя по тому, что опыта покупки любви за деньги у меня до сих пор не было). Но где тут любовь? При чём тут любовь? Тут даже изменой не пахнет. Это что-то другое совсем. Аттракцион. Вроде комнаты смеха.

Она положила мне руку на плечо, у нас уже был контакт, «идём, идём, хорошо будет». И во мне возликовал демон абсурда, чей, впрочем, зов довериться ему и только ему, а не какому-то там объяснимому вожделению, тут же заглушили удары крыл богинь благоразумия и благонамеренности.

– Увы, – сказал, – неплатёжеспособен.

– А чё так? – спросила, теряя ко мне интерес.

Я открыл дверь в туалет и услышал брошенное в спину:

– Работать надо!

Весело было смотреть на свою жизнерадостную струю: молодость, никакого тебе простатита, никакой аденомы!

Вышел, мыл руки под краном. В зеркало видел её у стены, она отстранённо копалась у себя в сумочке, ожидая, когда этот козёл исчезнет.

Вернулся за стол. Настя о чём-то говорила с двумя Сашами. (Музыка стала тише?)

Увидев моё лицо:

– Приключение?

(Да, тише. Или слух у меня обострился?)

Но что же моё лицо выражало? А ничего такого особенного. Просто я, кажется, не играл, вот и написано на лице – читай не хочу.

Наверное, улыбался. Наверное, олицетворял собою нечто.

Наверное, верность.

(Хотел написать «супружескую», но нет, конечно, – надо брать шире.)

Коктейль, пока меня не было, она допила почти весь – готова была уходить.

Я наблюдал, как её коктейльная трубочка, послушная губам, осушает дно стакана, позвякивая о стекло остатками льда.

Не сдержался:

– Знаешь, там за перегородкой краса-дэвица оральным сексом промышляет.

Подняла глаза на меня:

– Да ты что? Ну и как?

Настя очаровательна.

– Сказал, что нет денег.

– Ага, ты это любишь – обманывать.

Напомнила:

– Ты хотел позвонить.

Точно. Встал и пошёл звонить – на улицу.

В будку вошёл. Опустил жетон, снял трубку. Или стоп.

Что сначала – сначала трубку снимали или опускали жетон?

Не важно.

Что сказать, я так и не придумал. Скажу, чтобы не ждала, не жди, потом расскажу, встреча тут у меня, не телефонный разговор. Как-то так, только не про сериал. Про сериал, когда домой приду. Будет как бы сюрприз.

– Рин, привет, всё хорошо?.. У меня тут встреча, потом расскажу. Ну ты не жди. Похоже, задержусь. У меня есть что тебе сообщить. Хорошее... Удивишься.

Трубка ответила голосом Рины:

– Знаю про твоё хорошее. Ты же весь на виду.

– В смысле это каком? – спросил, теряя роли рисунок.

– В прямом. Всё о тебе знаю.

Мог бы сморозить что-нибудь, если бы не раскрыла карты:

– Тебя в сериал взяли.

– Кто сказал?

– В новостях сообщали.

Это было так невероятно, что я даже поверил.

– Ну, сам подумай, кто мог сказать? Кирилл, кто же ещё.

Вот – смеётся... Всю правду о тебе рассказывает...

– Не понял, Кирилл – у нас?

– У вас! – передразнила Рина. – У тебя, а ты где-то шляешься.

Кирилл никогда у нас не бывал. А тут здравствуйте. Это впервые. Понятно, он раньше отснялся, ушёл прежде меня, потом позвонил нам домой, меня ещё нет, застал Рину, которая пришла с работы, рассказал ей, какую оказал мне услугу, напросился в гости – со мной обсудить итоги дня и творческие планы на будущее.

Всё это очень хорошо, но мне не понравилось. Кирилла у нас никогда не было, а тут здравствуйте.

Она даже не спросила, когда я приду. Моё отсутствие воспринимала как должное.

Не понравилось.

Я сказал:

– Ждите.

Вернулся в «Пики».

Настя сразу догадалась, что не так что-то.

– Планы меняются?

– Есть проблемка. В общем, там дома кран прорвало, на-

до ехать спасать. Ну, мы встречу с тобой потом отметим. В следующий раз.

– Встречу? – усмехнулась (о, эта усмешка мне хорошо знакома). – Нет уж, – сказала, – теперь проводы. Иди. До поминок.

– Почему же поминок?

– Потому что коньки откинешь, сам знаешь.

И вновь отвлеклась на Саш. Разговор у них был о Тарковском.

– Это да, – вспомнил я о продюсерском замысле.

– Ладно, ступай. Фортинбрас.

Ну и при чём тут Фортинбрас, думал я, выходя на улицу. Просто решила меня поддеть Фортинбрасом.

Как-то коряво получилось, плохо «кран прорвало» изобразил. Глупо, глупо. Да потому что она меня знает как пять пальцев. Ну так что же, всё к лучшему. Нет, правда. Два раза куда там нельзя войти? В реку? Ага. И нечего в гости ходить, когда у самого гости. В магазин просроченных продуктов я сегодня не пойду точно. Самая дешёвая просрочка – в подвале расселённого дома за Центральным рынком. Позавчера я там побывал впервые. Купил банку сайры. Не помню, сказал ли Рине про срок годности, но суп получился вполне. Вполне сносный. Обычный рыбный суп. Из консервов.

Платёжеспособный гражданин-потребитель, я посетил «стекляшку».

Купил фруктов, сардельки, замороженную фасоль и бу-

тылку молдавского коньяка.

На ящиках, именуемых стеклотарой, сидели перед «стекляшкой» бабуся. Они разложили свой товар на парапете у бывшего памятника – кто солёные огурцы продавал, кто сушёные грибы, кто вязаные носки, одна предлагала комнатные растения. Был у неё в небольшом горшочке непонятный суккулент с распустившимся цветком, похожим на миниатюрную астру. За отсутствием других цветов купил этот. Весна!

3

Никогда не мечтал о Гамлете. И вовсе не потому, что этот Гамлет мне не по плечу; между нами, актёрами, сыграть Гамлета может каждый. Если что и мешает, так только одно – зрительские стереотипы, навязанные кинематографом. Толкотня в Эльсиноре меня мало трогает. По необходимости, или скромнее скажу: по стечению обстоятельств, – я бы, конечно, от Гамлета не отказался, было бы предложение, но полагаю руку на сердце мне нравится в этой истории только роль Фортинбраса. Вот это моё. Явиться в конце, торжественно объявить о том, что все мертвы, возвестить о будущем и, подведя черту, сорвать аплодисменты. За всех! За весь спектакль! Блеск. Просто блеск! Люблю. Восхищаюсь. И дело вовсе не во мне, не в моём желании славы или моём желании поживиться за счёт чужого успеха – это в природе самой роли. Фортинбрас – это последнее слово. Это Тот, кто забирает Всё.

Клара Келлер попала в точку, пригласив меня в «Стулья» на роль глухонемого оратора. Определённо, это моя роль. Глухонемой оратор – тот же Фортинбрас, но безъязыкий: приходит в конце и всё объясняет – мыча. Он, как Фортинбрас, – последнее слово, но только мычанием. И есть великая справедливость в том, что, пока старик со старухой, выпрыгнувшие в окно после полуторачасового господства на сцене,

ещё не явились на поклон из метафизического пространства, безъязыкий оратор первым встречает аплодисменты публики подобно Фортинбрасу, приказавшему убрать трупы.

На всей эльсинорской суете изначально лежит тень Фортинбраса. Холодная тень Фортинбраса, предупреждающая о роковой развязке! Но кто из них тогда думал о Фортинбрасе – о том, что придёт Фортинбрас и кончится этим?! Фортинбрас – великая роль. «Войскам открыть пальбу!»

Я шёл по улице, совершенно счастливый, и слушал в себе Фортинбраса.

«А я, скорбя, своё приемлю счастье; На это царство мне даны права, И заявить их мне велит мой жребий».

Перевод Лозинского.

У Пастернака не так – у него мягче, глуше, деликатнее: «В недобрый час мне выпадает счастье...»

Нет здесь дерзкого вызова, как у Фортинбраса Лозинского – «А я, скорбя, своё приемлю счастье!» – вот тут на грани наглости. Вот это по-моему!

Ну не верю, не верю я в глубокую Фортинбрасову скорбь. А в счастье – да!

Неподдельное счастье на фоне протокольной скорби!

Обладатель новых земель, Фортинбрас, палец о палец не ударивший, чтобы добиться победы: «Возьмите прочь тела!»

Конец истории – той! – и трупов не надо. Прочь их, прочь их отсюда!

Всё в прошлом!

И замечательно, что «Гамлет» завершился салютом. Призыв к пальбе – как вызов аплодисментов.

4

Было так. Я открыл дверь и увидел его выходящим из кухни.

– Милости просим! Будьте как дома! – Шутку сию он сопровождал раскатистым хохотом.

Есть у него манера переигрывать. Любит он демонстрировать перепады настроения. Способен внезапно расхохотаться, когда, казалось бы, ничего не предвещает веселья. Или наоборот, резко оборвать убедительный смех и совершить что-нибудь патетическое, как сейчас, когда он полез ко мне обниматься, похлопывая меня по спине. Можно подумать, мы с ним не виделись два часа назад. Он словно провозглашал всем своим пафосным видом: «Мы молодцы! Мы сделали это!»

Принимая от меня цветок, молвила: «Оригинально!» – и подставила для поцелуя губы.

– Шампанское пьёте, – догадался я по вкусу Ринкиных губ, даже ещё не войдя в комнату.

– А ты будешь играть первого любовника?

– Это он так сказал?

– Кто знает, кто знает?! – воскликнул Кирилл. – Неисповедимы замыслы автора!.. Господи, – возвёл к потолку очи, – подари вдохновение Марьяне Огарь! – И мне: – Твоё явление состоялось!

Если кого состоялось явление, так это его собственное. Окна у нас выходят на запад; в лучах заходящего солнца он был похож на пришельца из потустороннего мира. Античный герой в неродной одежде.

Рина поставила горшочек с цветком рядом с недопитой бутылкой шампанского. Фужеров было три на столе (хозяйки не забыли); я достал рюмки. Проходя с тарелками мимо меня, поцеловала на ходу в щёку.

Гость произнёс:

– Чтобы умереть в этой серии, ты должен себя проявить, заинтересовать зрителя, а иначе, Кит, жертва тобою бессмысленна. Жди хорошую роль. Возможно, тебя застучает муж Бережковой прямо в момент прелюбодеяния! Тебе будет что поиграть. Увидишь!

– Муж Бережковой... в момент прелюбодеяния? – переспросила Рина. – Так там что, Бережкова?

– Только у неё нет мужа, – сказал я. – Кого ты слушаешь? Никто никого не застучает.

– Я бойфренд её, – представился Кира. – Вам мало?

Бред какой-то. Язык без костей. Он и здесь преувеличивал – по-моему, просто приятель, вместе учились, но я промолчал.

– Да ладно, – Рина сказала, – в «Мухе-Цокотухе» она неплохо держалась. У неё низкий голос, красивый. Нам ли не знать Бережкову?... Но почему, почему тебя надо сразу убить? Это же сериал!

Кира заговорил афоризмами:

– Все жить хотят, не у всех получается.

Себя он в этом предприятии видел фигурой незаменимой. В масштабах сериала – бессмертной.

Он дал нам с Риной это почувствовать, когда наконец определились втроем за столом и, допив шампанское, приступили к молдавскому.

Тут наш гость и заговорил. Заговорил, заговорил и разговорился.

Прежде всего он поведал нам, как высоко его ценит продюсер, и не только за то, что роль у него ключевая – вторая по значимости в перспективе развития, – но за то ещё, на что никто у них не способен, – дать единственно верный совет в критический момент предприятия. Но, конечно, не только в критические моменты отличался Кирилл («такое, поймите правильно, не часто бывает»), но и просто по ходу обычной рутины Кирилл проявлял себя незаменимо; это он меня сегодня рекомендовал Буткевичу.

– Спасибо, Кирилл, – сказала Рина серьёзно. – Этот, – сказала она про меня, – уже лапки сложил. Уже веру в себя потерял. Ладно, пускай его сразу прикончат, всё равно хорошо, что востребован, без царя в голове... очень своевременно вы его... Спасибо, Кира. За тебя, дорогой!

«Этот» – ладно, «без царя в голове» – пусть, а про веру в себя мне не очень понравилось. Возразил, чокаясь:

– Я и слов таких не знаю – «вера в себя». Какая вера ещё?

Где я в себя что потерял?

– Не ворчи. – Рина сказала. – Радуйся шансу.

На втором курсе мы изображали животных. Кирилл был павлином. В образе павлина он был гениален. Беда в том, что он так и не вышел из роли. Вернее, он из неё, конечно, выходил, но ненадолго, она его опять догоняла – он всё чаще и чаще её исполнял. А потом образ этой замечательной птицы и вовсе его себе подчинил. Дай только волю, и он распушит свой хвост.

Вот и сейчас. Видите ли, он что-то знает такое... такое... чего не знают в съёмочной группе другие актёры – и даже сам режиссёр. Видите ли, Кирилл посвящён в некоторые тайны этого производства. Он бы нам рассказал, но не имеет права. Тут не просто кино. Тут дела покрупнее.

Демонстрация собственной важности – его конёк. Надо никогда не забывать об этом, слушая Кирилла. Но с другой стороны, съёмки, чего не отменишь, действительно странные. Где это видано, чтобы сюжет изобретали прямо на ходу? Почему не написали сценарий заблаговременно? Почему спешка такая? Как можно снимать, не зная, что будет дальше? Что за таинственная сценаристка, вокруг которой все скачут на задних лапках? В чём секрет отношений?

Кирилл отвечал, снисходительно улыбаясь:

– Где нет секрета, так это здесь. Просто год потеряли на всякие бла-бла-бла-обсуждения, а когда клюнул жареный петух, тогда закрутились.

Весь фокус в том, что это частный проект.

Кстати, молдавский коньяк назывался «Белый аист». (Надо было сразу сказать.) В то время он весьма ценился. Ну так вот.

По словам Кирилла, сценарий был готов уже в январе. А началось ещё прошлой весной, когда Буткевич вышел на крупные деньги, или, точнее, крупные деньги нашли Буткевича. Выделялись они под сериал о современности, сиречь о жизни: зрители должны узнавать себя на экране – себя и свои проблемы. Герои обязаны полюбиться народу. Больше любви, радости, слёз. Таков был заказ. До сих пор Буткевич ничего подобного не продюсировал, он вообще-то по опыту работы – телередактор новостного канала (о себе, если что, говорит «креативный редактор»), но об этом распространяться не надо, тут важно единственное: ему и только ему доверяет инвестор. Буткевич окружил себя помощниками и консультантами, кто-то из них порекомендовал ему сразу трёх столичных драматургов, работающих бригадой и умеющих надуть щеки. Они придумали героев, наметили сюжетные линии, внушили Буткевичу, что это хорошо, и стали, не торопясь, работать над сценарием. О размерах аванса Кирилл не осведомлён, но, судя по темпам работы, им ещё платили по-временную. Буткевич, набирая команду, рассказывал всем, что у него уже готов гениальный сценарий. Возможно, он сам в это верил. Ему уже музыку сочинял композитор, а он всё ещё не мог определиться с режиссёром – оно и понятно, де-

ло тонкое, возьмёшь самовольного корифея, а он и подомнёт под себя. В последний момент остановился на Юре Дуднике, уже год сидевшем без работы; про него говорили, что он съел собаку на постановках телеспектаклей. Актёров чувствует исключительно тонко. Буткевич с ним договорился где-то за неделю до съёмок, когда уже арендовал аппаратуру и согласовал с актёрами график. Юра Дудник ознакомился с хвалёным сценарием, и у него встали волосы дыбом: хуже этого он никогда не читал – диалоги чудовищны, характеров нет, снимать нечего. Буткевич перепугался не на шутку. Не знал, что делать. Где взять сочинителей? Консультанты тыкмык, а сказать нечего: ни бе ни ме в ху из ху в современной литературе. Хорошо, Кирилл о проблеме узнал, он только один и смог посоветовать. Есть такая Марьяна Огарь. Молодая, талантливая, пьесу её хотят поставить в Саратовской драме, диалоги пишет блестящие. Буткевич тут же к ней на такси помчался, бросился в ноги и пообещал гонорар неслыханный для наших краев, и представьте себе, она переписала за ночь первую серию, вернее, написала новую первую – но на тех же актёров. Чуткое ухо. Острый глаз. Королева диалога. Мастер сюжета. И мы должны ей все помогать – подбрасывать идеи, делиться впечатлениями. Жизнь удивительна, а мы в одной лодке.

Я спросил:

– Так это твоя знакомая?

– Чем ты слушал? – скривился Кирилл. – Да, это моя кре-

атура.

Я зачем-то спросил про тех трёх, из Москвы, – что с ними?

– Ничего. – (Мрачно.) – Они своё получили.

– Довольны? – зачем-то спросила Рина.

– Довольны, – ответил (мрачно) Кирилл.

Нагонять многозначительность он всегда умел. Особенно когда разговор касался тем отвлечённых.

«Жду вопросов по существу» – читалось на лице Кирилла.

Ринка воскликнула:

– И кому это надо? Кто платит?

Сняла с языка.

Кира мгновенно надулся:

– А вот тут уже дело серьёзное. Одно могу сказать – его зовут Феликс. И ещё: денег у Феликса немерено.

О Феликсе я уже слышал. Кроме того, что Феликс за главного, я больше ничего о сериале не знал. Спросил, сколько серий всего. Я даже не знал этого.

– Тебе зачем? Тебя убивают в четвёртой.

– Не хаами! В лоб дам, – заступилась за меня Рина.

– Серий будет столько, сколько потребуется Феликсу. Купят всё. Запустят в прайм-тайм. Они короткие. По двадцать четыре минуты. И ещё дополнительно – пять минут после каждой на выступление специалиста.

– Какого специалиста?

– Специалиста по конкретной проблеме. Но я вам этого не говорил.

А ещё он нам не говорил (но сказал), что никто толком не знает, что такое этот самый Феликс; лишь знает Буткевич. Но мы не Буткевич, и многое нам знать не положено. Известно о Феликсе, что он человек очень большой, очень влиятельный и очень решительный.

Рина предположила:

– Бандит?

(Понятие «бандит» было столь же обыденным, сколь и сакраментальным для конкретно этого времени.)

– Без комментариев, – отозвался Кирилл.

А ещё он сказал, почему в каждой серии, начиная с пятой (а сегодня узнали – с четвёртой), должен кто-нибудь умирать.

Потому что на то у Феликса особого рода причины.

Для тех, кто не понял с первого раза: особого рода причины.

Финансовой прибыли в обычном понимании слова от сериала не будет. Сериал для Феликса – это расходы. Телеканалу он отдаёт продукт почти бесплатно. Сериал нужен Феликсу – как средство.

– Как средство чего?

– Как средство чего-то, – ответил Кирилл.

Некоторое время мы молчали. А что тут скажешь? Надо помолчать, поразмышлять. Отдаю ему должное, он мастер-

ски организовал паузу.

И вдруг спохватился будто бы (словно сообразил, что наговорил лишнего):

– Мы тут пьянствуем, расслабляемся, а наш автор... твой автор, Кит... она пришла домой – и за работу. Мы тут пьём, бла-бла-бла, а она вкалывает, и все мысли её – о нас!

И надо же, он икнул; я убеждён – специально. Чтобы важно продемонстрировать обращённый к потолку указательный палец, дескать, «во!» – все мысли Марьяны о нас!

– Вы удивительно похожи, – сказала Рина, с чем оба мы, естественно, не согласились (и это правда не так).

А когда мы чокнулись и выпили за неё (нет, за Марьяну), Кирилл обратился ко мне:

– Ты бы помог автору! Она ведь ждёт от нас от всех идей. Ты бы ей рассказал про того продавца колбасы, который ходил по квартирам... Это же про тебя. Вам надо мотив! Так вот он! Мотив твоего появления!.. Так ты за тем и пришёл – принёс колбасу ворованную. Усекаешь?

Я с изумлением посмотрел на Рину. Пожав плечами, она изобразила улыбку, отражающую ничтожность провинности. Если бы у нас ещё оставалось, я бы сказал, что ей достаточно.

– Это я ему про Федю-колбасника говорила.

Потрясающе! Обалдеть! Пришёл на двадцать минут раньше меня, и за это время они успели мало того выдуть полбутылки шампанского, но ещё и обсудить историю моего брата.

Нет, мой брат никакой не Федя-колбасник.

Но сначала – о Феде.

Федя – колбасник, это да. Потому он колбасник, что работал на колбасном заводике (в городе много колбасных заводиков; раньше был один большой-большой колбасный завод, а потом стало много маленьких, впрочем, я ничего в этой сфере не смыслю), короче, Федя разносил вечерами по квартирам ворованную колбасу, полукопчёную; её покупали охотно. Мой младший брат жил вместе с нашими родителями как раз в доме, который опекал Федя. Стыдно признаться, но мои родичи покупали ворованную колбасу. Отец, заслуженный изобретатель РСФСР, утверждал, что берёт её не потому, что дешёвая; он оправдывал покупки двумя доводами: 1) видите ли, он был принципиальным противником частной собственности на средства производства и полагал, что Федя, экспроприируя колбасу, борется с эксплуатацией человека человеком; и 2) левая, ворованная колбаса, по общему мнению, должна быть лучше той, что попадает в продажу.

Как бы то ни было, я даже мысли не мог допустить на съёмках сегодня, что мой «инфернальный» приход способен соотноситься каким-то боком с деятельностью Феде-колбасника. А деятельность его... но тут я должен сосредоточиться: Кирилл стоит рядом с тумбочкой, прислоняет к уху телефонную трубку, и номер набран уже.

– Марьяночка, это я, Кира... Ты вся в трудах, поди?.. А

я знаешь где?.. Я у Никиты... Ага, которого сегодня приво-
дил... Да, он очень талантливый... Он тебе хочет идею под-
бросить... Для серии новой... Зачем он пришёл и что он
принёс... А знаешь зачем?.. Он принёс ворованную колбасу!
Сейчас сам тебе скажет...

Подошёл к тумбочке, взял трубку из рук Кирилла.

– Марьяна, виделись уже... добрый вечер теперь...

– Здравствуйте! – И голос усталым её, чуть раздражённым
мне показался (ей бы сейчас отдохнуть...).

– Кирилл говорит, вы приветствуете идеи, предложения...

Есть человек один, он занят на колбасном производстве...

Рассказал в двух словах про Федю-колбасника: как ходит
тот по квартирам.

– Ясно, – сказала Марьяна совершенно безрадостно. –
Ну да, ворованная колбаса... – Мне показалось, она зевнула
от скуки. – Пищевые добавки, красители... Тяжёлый порт-
фель... с колбасой... Выйти надо нам на проблему... а на
какую?.. Опять мелкотемье... Опять мелкотемье... – Гово-
рила, похоже, сама с собой, бормотала невнятно. – Конечно,
можно покрутить... с колбасой... Хотя... Нет, знаете, это не
в стилистике сериала...

– Фокус в том, – продолжил я, – что ворованная колба-
са была для него прикрытием. Он приглядывался к жиль-
цам, высматривал молодых людей, с некоторыми знакомил-
ся... Он был вербовщиком... Понимаете, агитатор-вербов-
щик?.. Он подрабатывал этим... Он представлял, по-види-

тому, разные фирмы... – Я запнулся, не понравилось слово. – Разные корпорации... Вы знаете, что такое Французский Иностраннный легион?..

– Что-то читала.

– Это войсковое соединение. Там служат иностранцы. Этот человек завербовал моего брата.

– Да вы что! – оживилась Марьяна.

– Вот вам и «что»!.. А началось с колбасы, с того, что в квартиру впустили... А теперь мой младший брат затрубил на службу во Францию!..

– Так, так... колбаса как прикрытие...

– Ворованная колбаса!

– Понимаю... Здесь что-то есть... Не обязательно Иностраннный легион... Но колбаса как прикрытие... что-то есть...

– Ворованная!

– Да, да, спасибо, Никита... Я обязательно подумаю... Что-то есть... Спасибо, спасибо!

Какая умница! Как схватывает на ходу! – подумал я, вешая трубку.

Кирилл глядел на меня ошалело – потом перевёл взгляд на Рину:

– А ты ничего не рассказывала про Легион...

– Так я не успела.

– Кит, это правда? Твой брат... в Иностранном легионе?

– Во Французском.

– Брат?

– Ты сам всё слышал. Уже полгода.

5

Брат мой Петя вот уже полгода в Иностранном легионе. По характеру он холерик, думаю, там ему нелегко. Он меня младше на три года. Отношения у нас по-разному складывались – в раннем детстве он мне во всём подражал, ходил за мной хвостиком, повторял, как попка, всё, что я говорил, а подрос и делать всё стал так, чтобы на меня не быть похожим. В десятом классе я курил открыто, иногда с отцом из одной пачки, баловался с друзьями портвейном, а он, семиклассник, стал закаляться, обливаться по утрам холодной водой, отжиматься, подтягиваться, беспрестанно талдычил о здоровом образе жизни, пил морковный сок, который себе производил в соковыжималке, подаренной нашей маме на сорокапятилетие, и это потому только (уверен!), что я морковный сок не переношу – натурально, физически. То же с театром. Я лицедействовал едва ли не с пелёнок, меня и дразнили «артистом» – ну и додразнились, прямо скажем. Братец мой Пит мечтал открыть новый химический элемент, доказать теорему Ферма (к счастью, это длилось недолго), стать психотерапевтом вроде Кашпировского, он, вообще говоря, легко увлекался – всем, чем угодно, но только не театром. В семье полагали, что антипатии к театру нашего Пети связаны с детской травмой – всему виной новогодняя ёлка. Он плохо помнит, а я хорошо. Я учился во втором, знал правду о Де-

де Морозе и мог бы уже на это представление не ходить, но мама повела нас обоих. Мы с ним сидели в первом ряду. Всё это происходило в Доме культуры железнодорожников. Деду Морозу и Снегурочке с их благими намерениями мешала целая прорва мелкой нечисти, возглавляемая Бабой-ягой. У Бабы-яги был длинный многогорбый нос и большие зелёные ресницы; свои гадкие помыслы она декларировала с откровенностью, пугающей малышня. Исполнительница, похоже, переусердствовала – мелкота действительно перепугалась, а наш расплакался, закрыл глаза ладонью и наотрез отказался смотреть на сцену. Мама вместе с другими родителями стояла где-то в дверях, так что мне первому пришлось его успокаивать, говорить, что это всё театр, всё понарошку и всё такое. Напрасный труд, с ним просто произошла истерика. Мы, кажется, не дождались подарков, так и ушли – точно! – судя по тому, что я дома ужасно злился на него, так и было. Хотя успокоительная компенсация нам от родителей перепала какая-то: шоколадки-медальки да вафли... хотел соврать про чупа-чупс, но вспомнил, что тогда нам в страну эту штуку ещё не завозили... А вечером родители ожидали гостей; мама наводила макияж, красила ресницы, Пит угрюмо наблюдал за ней со стороны и вдруг сказал: «Не делай так!» – «Как?» – «Как Баба-яга». И она смыла косметику.

Вот он и вырос таким, он всем недоволен. Только он всё это держит в себе, он скрытный; что ему не нравится, я уже давно не понимаю. Он интроверт, я, «артист», экстраверт. С

некоторых пор он стал стесняться моего «артистизма», ну, что ли, моей открытости. А что до нелюбви к театру (пожалуй, это всё же сильнее равнодушия), так откуда ему знать, что она за штука – сцена? Возможно, что-нибудь вроде «Волшебника Изумрудного города» его заставили посмотреть в малолетстве, но не более этого, вот разве ещё из вежливости побывал на нашем курсовом «Вишнёвом саде», где я изображал Фирса. Очень ему не понравилось. Он сказал, что театр завтра умрёт, всё это пустое. Я сказал, ты просто не любишь театр. А он сказал, ты сам не любишь театр. Ну конечно – я не люблю. Он считал, что я случайно стал актёром, и даже не стал, а всего лишь просвистел свой срок в Театральном, да и поступил-то туда случайно. Ага, «случайно», а ты поступи!.. Мне он в актёрских способностях отказывал, считал меня вообще по жизни неудачником (и это ещё не в самое трудное время) и с характерным юношеским максимализмом смел утверждать, что я занят не мужским делом.

На мужском у нас и произошло с ним охлаждение – это случилось за год до этого.

Я тогда на втором курсе учился и привёл домой подружку. А мы с ним в то время вдвоём жили в квартире, родители в Ригу уехали. Он в своей комнате сидел безвылазно, это нас никак не касалась, нам с ней было где – у меня; девушка, ну да, была без комплексов, я любил таких, с ними проще. Потом мы с ней пошли на кухню варить пельмени, у нас была бутылка вина, я позвал его пообедать, он при-

шёл нехотя, как одолжение делал. Вина не пил, чем произвёл на гостью сильнейшее впечатление. Посидели, разошлись по комнатам. А когда мы с ней потом лежали и когда балакали о третьем-десятом с пепельницей на моём животе, откуда-то эта тема проклюнулась – невинность моего младшего брата, она сказала «да нет проблем», я пошел к нему и спросил его, что он об этом думает. Спросил деликатно, клянусь. Я как лучше хотел. Чтобы по-братски. А он психанул. Стал кричать на меня, вспомнил обиды, не имеющие отношения к ситуации, потом вскочил и вообще убежал из квартиры. Неадекват. И она тоже сказала, что с моим братом всё ясно. Ну, она-то, по-своему, задета была – пренебрежением, но я сам задумался. Вот после этого у нас и наступило с ним в отношениях охлаждение. Причём это он, а не я, это он стал обозначать дистанцию.

Тут можно разное вспомнить. Например, в детстве никогда не играл в солдатиков. Фильмы про войну не любил. Зато гербарии собирал. От армии откосил, допустим, без усилий, почти само получилось – в год призыва государство наше великое развалилось практически вместе с армией – в известных пределах, ну и вот. Да это ладно, но всё равно удивительно: в своей не служил, а в чужую подался. Самое невероятное, его туда взяли, вот что меня поражает. Монастырь ему лучше бы подошёл, чем Иностранный легион Франции.

Но я был неправ. Или не совсем прав. Я уже институт окончил – он нашёл женщину. Даже не знаю, как зовут её,

никогда не видел. Знаю, что старше была. И что градус драматизма там был очень высокий. Она его прогнала, в общем. А он не умеет проигрывать.

Он из той категории – «назло мамке уши отморожу».

Если что-то не получается, будет делать себе хуже. И тем наказывать Вселенную.

Даже когда с ним в детстве в морской бой играли и он чувствовал, что проигрывает, начинал специально бессмысленные ходы делать – чтобы себе хуже было.

Иностраннный легион – это из той же серии.

Случилось как?

Я тогда жил в другом конце города. Позвонил отец, сказал, что Петя домой возвращается, у него проблемы, похоже, – не хочу ли заглянуть вечером? А проблемы у Пети – это значит все должны быть виноваты. Когда-нибудь он руки на себя наложит – в укор человечеству. Позже мы узнали, что у него действительно была (не вполне последовательная, впрочем) попытка суицида из-за той женщины. Но в этот вечер он мне не показался подавленным. Я застал их за столом, чай пили – батя наш, Петя и ещё один хмырь лет тридцати, некто Фёдор. Отец мне обрадовался, сразу достал свою хреновуху из холодильника и две рюмки, нам с ним, потому что эти двое непьющие – они и общую тему нашли себе сепаратную: здоровый образ жизни, дыхательная гимнастика, и всё такое. Положение до моего прихода, полагаю, бы-

ло за столом напряжённое – ну я разрядил, как умею: рассказал анекдот в лицах; отец посмеялся. Вышли мы с ним покурить на балкон. Отец говорит, плохо дело, похоже. А я ему: не похоже, что похоже. Он: да нет, похоже, похоже. А кто этот Фёдор, спрашиваю. «Просто к столу позвал, он у нас по квартирам колбасу разносит, дешёвую, в полцены, – ты попробовал, ну как тебе, ничего?» А мне что «ничего»; ну, попробовал, ну, колбаса, ну, нормальная. Полукопчёная. На столе из еды ничего, кроме колбасы, не было. Шучу: «Ты его специально за стол позвал, посмотреть, будет ли сам есть?» – «Ладно, – отец отвечает, – не первый раз покупаем». – «Так она что – ворованная?» – «Откуда я знаю, – он говорит, – может, и так». Стал я подтрунивать над ним: уважаемый человек, а с шаромыжником связался. «Ты вот не знаешь, – отец говорит, – он недавно с войны, где-то воевал с кем-то – солдат удачи». – «Наёмник, что ли? Что-то не похож на наёмника». – «Между тем», – ответил отец.

И вот пока мы так с ним разговаривали на балконе, за какие-то три-четыре минуты этот Фёдор сумел нашего Петю распропагандировать. Петя, брошенный любимой женщиной, с пол-оборота согласился вступить в Иностраннный легион, осталось им обсудить детали и разобраться с инструкциями. Но это позже.

Ситуацию того застолья мы уже потом реконструировали. А тогда ни о чём таком даже знака нам не было.

Мы вернулись за стол – Фёдор домой засобирался.

Отец об Иностранном легионе вообще ничего не знал, я краем уха что-то слышал. Тогда всё, что угодно, в стране могло происходить. Было кому и в чужую армию зазывать. В нашей общегородской газете объявления о призыве в Иностранный легион, с контактными телефонами, печатали в разделе «Работа», сам видел. А почему бы и нет, если в том же разделе могли себя предлагать с формулировкой «готов к работе, связанной с риском»? А в разделе «Отдых» разные предьявители сексуальных услуг обоих полов рекомендовали свои возможности, причём с учётом специализации.

Что бы я ни говорил нашей сценаристке, но самому мне кажется маловероятным, что поквартирная распродажа ворованной колбасы могла быть естественным прикрытием для агитации в Иностранный легион. Колбаса и агитация, мне кажется, Фёдора занимали как независимые направления. Хотя, надо отметить, в данном случае они, по крайней мере, в одной точке нашли соприкосновение: наш брат и сын попал в расставленные для него сети.

Скоро я узнал, что Пит собрался в турпоездку во Францию. За границу он выезжал впервые. Так и выехал с билетом в один конец. В Париже он по известному ему адресу добрался до вербовочного пункта и произнёс по-французски волшебную фразу, заученную наизусть. Его взяли.

Дома он, не иначе как в подражание самоубийцам, оставил записку с объяснениями и извинениями. Позже продублировал её письмом родителям; содержание мне его неиз-

вестно. На мой день рождения прислал открытку из Франции с незамысловатым текстом: «Поздравляю, брательник, будь здоров и счастлив!»

6

Кира – всё сдерживаю себя, чтобы не сказать это, – но если начистоту, Кира – просто дурак. Может быть, не стоило так прямым текстом, но дурак, он и есть дурак. Подробности чуть позже, когда буду рассказывать, как мы поссорились. Сам того захотел – разорвать со мной отношения. И поскольку, я надеюсь, он исчезнет из моего повествования, коснусь одного момента – якобы нашей похожести. Как там Рина сказала? «Вы удивительно похожи». Ну так вот (чтобы к этому больше не возвращаться).

Это всё чушь.

Рина – человек достаточно проницательный, но её представления о людях меня часто изумляли. В том учебном спектакле, где мы на втором курсе играли птиц, мне досталась роль пеликана. Почему-то именно отсюда Рина впервые вывела заключение о нашей с Кириллом похожести. Ей пришло в голову какое-то сходство между павлином и пеликаном. Видите ли, павлин и пеликан сильно отличаются от других птиц. И что? Страус и колибри наглядно и одинаково сильно отличаются, допустим, от попугая, но говорит ли это о взаимном сходстве колибри и страуса? Трудно придумать пеликану ббольшую противоположность, чем павлин. Пеликан, в отличие от павлина, не заботится о своём облике, не зацикливается на своей исключительности, все знают, как он кор-

мит детёнышей, недаром его считали символом благотворительности и любви, причём жертвенной. О павлине же, полагаю, распространяться нет необходимости. Конечно, при желании можно найти формальное сходство между любимыми птицами, даже между пеликаном и павлином, и вероятно, сходства между этими двумя яйцекладущими будет действительно больше, чем различия между любым из них и, скажем, каким-нибудь утконосом, или ехидной, или, если не забывать про птиц, чижиком, трясогузкой, рябчиком – да хотя бы даже вороной (на пеликана с павлином она мало похожа), но это сомнительный аргумент, и переносить его на человеческие отношения вообще никуда не годится. Нет возражений?

Так что вот.

Рина была на курс младше меня, в том спектакле (он назывался «Птицы») она не участвовала. Кстати, из птиц ей более всего симпатичны именно вороны. Я тоже в известных пределах уважаю и терплю ворон; уважаю – за интеллект и неоспоримое чувство юмора, скорее, даже чёрного юмора (много раз наблюдал их абсурдистские выходки), а терплю, потому что иного не остаётся: у нас во дворе воронье гнездо. А соседство с вороной – это ещё то испытание. Каркать она начинает в четыре утра. Лучше бы кричал петух. Петух прокричит и замолкнет, а эта сволочь каркает подолгу и с издевательской методичностью. Каркнет раза два-три-четыре и помолчит десять секунд, потом снова, как будто её никто не

услышал.

Я понимаю Николая П. Кто только не поиздевался над его дневником! В стране события, Россию лихорадит, трясёт, а он заиклен на отстреле ворон. Но, господа-товарищи, дневники бывают разные, бывают и специальные дневники – дневник погоды, дневник болезни, дневник наблюдений за звёздным небом, почему бы не быть дневнику отстрела ворон, тем более когда эти вороны представляют проблему? В Царском Селе собиралось великое множество ворон. Вы просто не знаете, что такое вороны. Меня доставала только одна, нещадно каркая по утрам, а в Царском Селе их были сотни и тысячи. Можно ли решать государственные задачи, если в ушах с четырёх утра их неугомонное карканье? Что меня поражает в дневнике Николая, это выдержка и хладнокровие, я бы так не смог, меня бы, наверное, перехлёстывали бы эмоции, веди я такой дневник.

К тому же (есть у меня подозрение) вороны тогда были попроще. Умнеть они стали по мере освоения благ технического прогресса. Со времён царских отстрелов сменилось порядка тридцати – сорока поколений ворон. Постоянно проживая рядом с человеком, птицы эти кое-чему научились. Сегодня мир ворон достоин того, чтобы именоваться цивилизацией. Убеждён, они знают больше о нас, чем мы о них. Вороны стремительно умнеют, тогда как человечество стремительно глупеет. Оно глупеет даже на протяжении одной человеческой жизни от поколения к поколению – то есть у

нас на глазах.

Двор нашего дома, то есть дома, где Рина жила (а я в тот год – с ней у неё), был довольно просторный – детская площадка, полтора десятка деревьев. Окна, как я уже говорил, выходили на запад: наблюдать заход солнца за горизонт мы, конечно, не имели возможности, но заход за крышу двухэтажного дома зрелище было обычное. Светолюбивый столетник на подоконнике, судя по числу стеблей, чувствовал себя сносно. Комната принадлежала Рине, но на птичьих правах. Это был ведомственный дом электромеханического завода. Рина – последняя, кто получил здесь жилплощадь, случилось такое несколько лет назад в конце так называемой перестройки, когда советская власть, уже порядком поступившая своими принципами, ещё не во всём изменила своим обычаям. Рину, выпускницу Театрального, взяли на предприятие руководителем народного театра. Ей предоставили комнату в небольшой коммунальной квартире с одним соседом, тихим алкоголиком Андреем Гаврилычем. Рину он уважал, потому что позволяла ему держать большую бутылку браги на кухне и против самогонного аппарата, который он прятал под своим столом, тоже ничего не имела. А вот меня он порицал за отсутствие большой любви к самогону, хотя и мне доводилось участвовать в дегустации. Он меня называл «недрожжелюбным». Выделю отдельным абзацем это необыкновенное слово:

«недрожжелюбный».

Никогда и нигде больше не встречал, похоже, он сам придумал. «Ты недрожжелюбный, брагой брезгуешь». В остальном у меня с ним установились вполне приятельские отношения, даже, было время, вполне деловые – не о всех совместных делах наших, правда, вспоминать хочется.

За последние три года предприятие дважды меняло хозяйина. Зарплату здесь не платили уже четыре месяца. Однако народный театр худо-бедно существовал, и Рина им продолжала руководить – не столько из любви к искусству или преданности коллективу, сколько из-за нежелания потерять жилплощадь.

Разговоры о том, что новое руководство прогонит жильцов ведомственного дома, не казались беспочвенными, так же как и слухи о предстоящем покрытии задолженности по зарплате натурально продукцией, выпускаемой предприятием. Такое тогда широко практиковалось. Пять месяцев назад уже выдавали зарплату нереализованным товаром, а именно амперметрами. Продажей приборов должны были озаботиться сами работники. И это ещё ничего. На смежном предприятии за Уралом, слышал я, вместо зарплаты выдали по электродолбёжнику, попробуй-ка продай такое, он килограммов сорок весит, да и вообще, любителей механического долбления неизмеримо меньше было в стране, чем интересующихся электротехникой. Так что нам ещё повезло. Амперметры можно было продавать в электричках, чем я и занимался в ту пору. Конечно, они шли не так хорошо, как по-

лиэтиленовые корочки для паспорта, карты звёздного неба и тому подобное, но и на них в конечном итоге находился свой покупатель. Тут многое зависит от актёрского дара продавца. Как он донесёт до пассажира электрички мысль о необходимости приобрести в собственность амперметр со стрелочной головкой.

А не рассказать ли мне, как мы с Андреем Гаврилычем гастролировали по районным центрам нашей области и измеряли на площадях и перекрёстках электрическое сопротивление тел прохожих, проявлявших интерес к сему параметру?

Может быть, как-нибудь расскажу.

Это я всё к тому, на что жить приходилось.

На всякое. Были и похуже у меня предприятия. Но ворованную колбасу никогда не продавал. Этого от меня не отнимешь.

Стоп. Не так. Этого мне не припишешь!

Совсем о другом хотел. Эко куда понесло. Пеликаны, павлины, вороны... Механическое долбление...

А хотел я сказать про Кирилла. Как с ним порвал.

Это случилось за день до съёмок четвёртой серии.

Ещё не поднес трубку к уху, а уже услышал ор какого-то сумасшедшего, и кричать он там начал, похоже, ещё до подключения связи.

Абсолютно не помню, чем был занят в то утро; вряд ли спал, но запомнилось одно неприятное ощущение: меня разбудили.

Телефонная трубка отяжелела в руке (кто помнит предмет, он действительно походил на гантель). Я ошеломлённо молчал, ещё не веря в то, что узнал голос; я так и не проронил ни слова, я слушал взбесившегося глухаря (отнюдь не павлина). Не помня себя, взахлёб, глотая окончания слов, он меня обвинял, сколько можно было понять, в предательстве и вероломстве. А перед тем, как бросить трубку, обозвал кукушонком и клещом.

Ёкарный бабай, умереть не встать, и что это было? Не удавило ли его по тылке доской разделочной? Не укусил ли его бешеный боксёр – в смысле собака; да хотя бы и человек?.. А точно ли это он? Ведь не представился. И мне ли звонил? Мог ли Кирилл промахнуться номером телефона?

Больше всего меня поразило, что я кукушонок. Оскорбление «кукушонок» из Кирюшиных уст посильнее звучало, чем «клещ».

А впрочем, в одну цену.

Убедительнее было бы, если бы что-нибудь одно выбрал.

Но всё равно, получалось, с какого ни подойди края, – на меня будто вылили ковш дерьма. Но за что? За какие заслуги?

Воздадим и мне по достоинству: вовремя подставил зонтик.

Лучше так: просто отступил в сторону.

Иными словами – не подчинил рассудок афронту.

А какие могут быть обиды, когда у человека крышу снесло? Кирилл Петрович, ты здоров?

Набрал его номер – он не взял трубку.

Придурок. Надеюсь, не выпрыгнул из окна.

Ну и что это было? Что за спектакль?

Снова лёг на диван (sic! – всё-таки спал, но если так, то в одежде), стал газету читать (тогда читали газеты); читаю и не понимаю читаемого – представляю, как мог бы ответить ему, но без аргументов и слов, а только удивлённым мычанием. Когда выбивают из седла, самое то – помычать. Хорошо, ничем не занимался дельным, а то бы пропал весь труд. Некоторые про меня говорят, что у меня скверный характер, а где же скверный, когда я не отвечаю злобой на злобу? Только отвечаю желанием человека понять.

Кстати, где Рина была?

Вспоминаю. Не вспомнить.

Зазвонило. В смысле: звонок.

В дверь.

Пошёл открывать. Мне роль принесли. Прямо так физически – чтобы вручить в руки. Всё по-взрослому. Таков порядок: за день до съёмок разносят актёрам распечатки их эпизодов – прямо по домам, если можно такое представить. Вот и я удостоился высокой чести. Мерси.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.